

— В этой жизни надо уметь отплатить добром за услугу, — раздался холодный мужской голос в полуразрушенном доме.

Мужчина лет тридцати в засаленной одежде неопределённого цвета приоткрыл опухшие, мутные глаза и уставился на стоявшего перед ним подростка.

Из тёмного угла комнаты донёсся робкий девичий голос:

— Папа...

Чернокожая худенькая девочка подняла лицо. Она смотрела с мольбой и робкой надеждой.

— Заткнись, товар в убыток! — рявкнул мужчина, оборвав её на полуслове. Он раздражённо махнул рукой. — И за что мне такое наказание? Всю жизнь ждал нормального сына, а родилась эта черномазая дохлятина! Её даже продать некому!

Он сплюнул на грязный пол.

Девочка покорно опустила голову. Она молча застыла в углу, судорожно стискивая серыми пальцами край засаленного платья.

— Дядя, сестра — не товар в убыток, — спокойно произнёс мальчик.

Он прямо посмотрел на мужчину с твёрдостью, не допускающей возражений.

— Ах ты!.. — Спесь с мужчины моментально слетела. Он невольно отвёл взгляд и буркнул: — Не суй нос не в своё дело! Моя дочь — как хочу, так и зову. Тебе-то что за печаль?!

— Я её брат, — так же ровно ответил мальчик.

— Тьфу, выродок! Если бы не та паскудная девка, я бы сейчас не нищенствовал!

— Не смейте оскорблять покойную, — в голосе мальчика впервые промелькнул гнев. — И вообще-то она была вашей сестрой.

— Ха, оскорблять? — мужчина злобно ухмыльнулся. — Была бы у неё хоть капля стыда, не понесла бы нагулыша без мужа! А потом ещё уверяла, будто мужика в глаза не видела. Ха! Да у неё этих хахалей было столько, что сама сосчитать не могла!

Мальчик опустил голову. Он почувствовал, как в нём вскипели ярость и глухая боль. Он так сильно сжал кулаки, что ногти вонзились в ладони, оставив на коже кровавые полумесяцы.

— Мама была не такой, — тихо, но отчётливо произнёс он.

Мужчина недовольно поморщился.

— Хватит! Мне некогда с тобой ласы точить. Помни одно: оплата добром за услугу!

— Я знаю, — мальчик побледнел ещё сильнее. Он посмотрел на притаившуюся в углу сестру с тоской и смятением.

— Но и вы держите слово, — он посмотрел на торжествующего дядю. — Все полученные деньги пойдут на операцию Сяо Цин. Вы обещали.

— Ладно, ладно, без тебя знаю, — раздражённо отмахнулся тот. — Всё равно девке замуж выходить, только дурак станет тратить...

Трясущимися пальцами мужчина достал из-за пазухи облезлую флягу, бережно прижал её к груди, открутил крышку и сделал крошечный глоток.

— Пьяница Ли! Скоро ты там?! — донёсся с улицы хриплый голос.

Лицо мужчины преобразилось. Куда только девалось его высокомерие — теперь он улыбался подобострастно, словно пёс, завидевший кость. Он распахнул хлипкую дверь и заискивающе посмотрел на стоявшего на пороге парня лет двадцати.

— Сяо Сань-гэ, может, зайдёшь, посидишь с нами?

— Зайти? Ещё чего, — брезгливо бросил тот, заглядывая в лачугу. — Давай живее, у меня дела. Где пацан?

— Сейчас, сейчас, сию минуту! — засуетился Ли. Он обернулся и гаркнул: — Эй, щегол! Слышал? А ну шевелись!

Мальчик проигнорировал дядю. Он подошёл к сестре и бережно сжал её худые, обтянутые кожей пальцы.

— Сяо Цин, — нежно произнёс он. — Когда я уйду, береги себя... И приглядывай за дядей.

— Нет! — девочка внезапно закричала, её голос сорвался на пронзительный визг. — Не хочу! Не уходи! Брат, не уходи! Сяо Цин не отпустит тебя!

Она вцепилась в его руку. Она смотрела с первобытным ужасом.

— Сяо Цин, хорошая моя, послушай меня, — мальчик мягко разжал её пальцы и отступил на шаг. — Будь счастлива. За двоих.

Последние слова он так и не произнёс вслух — они застряли в горле комом.

Сделав глубокий вдох, он решительно повернулся, вышел на улицу и с силой захлопнул дверь, отсекая от себя отчаянный плач сестры.

— Я готов, — тихо сказал мальчик водителю, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Тот смерил его недоверчивым взглядом:

— Слышь, ты хоть понимаешь, на что подписываешься?

— На донорство органов, — спокойно ответил мальчик.

— И только-то? — Сяо Сань открыл дверцу машины и кивнул на сиденье. — Жить надоело?

— Вовсе нет, — мальчик слабо улыбнулся. — Паршивая жизнь всё же лучше хорошей смерти.

— Ну-ну, — хмыкнул водитель, заводя мотор. — Обычно те, кого мне привозят, бьются в истерику, орут, вырываются... А ты спокойный какой-то. Чудной.

Три месяца спустя.

— Слышь, а почему ты вообще согласился на это? — лениво спросил Сяо Сань, пока они в приёмном покое ждали хирурга.

Мальчик долго молчал. Когда водитель уже решил, что ответа не будет, он тихо произнёс:

— Из-за сестры.

— Из-за сестры? — Сяо Сань взглянул на настенные часы. До операции оставалось ещё немного времени, и в нём проснулось праздное любопытство.

— Да... Сяо Цин тяжело больна. Это можно вылечить, но нужны огромные деньги. Столько мне за всю жизнь честным трудом не заработать, — мальчик прислонился спиной к холодной больничной стене и негромко усмехнулся. — Видишь ли... Я никогда не знал отца. А мать... В

детстве мне казалось, что умереть с голоду на улице — это избавление. Лишь бы не терпеть её бесконечные побои и проклятия.

Он говорил об этом так обыденно, будто обсуждал погоду за окном.

— Родственники презирали нас, смеялись. И за каждый их косой взгляд, за каждую колкую издёвку мать отыгрывалась на мне. Избивала с двойной яростью. Единственным человеком, кто ко мне тянулся, была сестра. Она всего на год младше. Только она улыбалась мне, играла со мной, переживала... Если бы не Сяо Цин, я бы давно сломался.

Он замолчал, глядя в пустоту перед собой. Сяо Сань не торопил его. Рассказанного вполне хватало, чтобы понять всю картину.

Водитель глубоко затянулся сигаретой и выпустил облако дыма:

— И ты решил расплатиться за её жизнь своей собственной?

— Она заслуживает жизни больше, чем я, — мальчик стряхнул с лица оцепенение и слабо улыбнулся. — Дядя... Хотя он и кроет её на чём свет стоит, на самом деле любит её. Лучшие куски всегда ей оставляет. Ворчит, ругается, но дорожит ею. Она — совсем другое дело. Ей всего пятнадцать... Будут деньги — будет и будущее.

Перед глазами вдруг возник образ плачущей Сяо Цин.

«Брат, братик, спаси меня! Я не хочу умирать! Пожалуйста, спаси меня, брат!»

Мальчик вздрогнул. Тело пробила мелкая дрожь, он стал мертвенно-бледным. Он поспешно сжал кулаки, пряча дрожащие пальцы.

Раздался тихий звон — двери лифта разъехались в стороны.

Взглянув на вышедшего в коридор врача в белом халате, мальчик глубоко вдохнул и вымученно улыбнулся Сяо Саню:

— Пора.

— Ну... лёгкой дороги на ту сторону, — водитель махнул ему рукой.

Мальчик ничего не ответил. Возможно, не захотел, а возможно, просто не услышал. Он молча двинулся вслед за хирургом и переступил порог операционной.

Лёжа на ледяном столе, он наблюдал за приготовлениями врачей. Крупная дрожь сотрясала его тело изнутри.

— Страшно? — мельком взглянув на него, спросил анестезиолог.

— Очень... — прошептал мальчик, пытаясь улыбнуться, но он не смог.

— Хочешь передать что-нибудь близким напоследок? — дежурным тоном поинтересовался врач, готовя шприц.

— Нет.

Он закрыл глаза. Врач привычным движением ввёл иглу в вену и медленно нажал на поршень, впрыскивая прозрачную жидкость.

Сознание мальчика начало угасать.

«Вот и всё... Оказывается, совсем не больно. Сяо Цин, слышишь? Совсем не больно... Больше не плачь.»

«Не плачь... Главное, будь счастлива... за двоих...»

<http://bllate.org/book/19906/2028345>